

Гаррисон Уильям Ллойд.

Декларация чувств

Источник: [здесь](#).

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ОСНОВ, ПРИНЯТЫХ ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВА, ОСНОВАННОГО ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ ВСЕОБЩЕГО МИРА

Бостон, 1838 год

Мы, нижеподписавшиеся, считаем своим долгом по отношению к себе, к делу, близкому нашему сердцу, к стране, в которой мы живем, и ко всему остальному миру, огласить это наше исповедание, выразив в нем те основы, которых мы держимся, цели, к которым мы стремимся, и средства, которые мы намерены употреблять для достижения всеобщего благодетельного и мирного переворота. Вот это наше исповедание.

Мы не признаем никакого человеческого правительства: Мы признаем только одного царя и законодателя, только одного судью и правителя над человечеством. Отечеством нашим мы признаем весь мир, соотечественниками своими признаем всё человечество. Мы любим свою родину столько же, сколько мы любим и другие страны. Интересы, права наших сограждан нам не дороже интересов и прав всего человечества. Поэтому мы не допускаем того, чтобы чувство патриотизма могло оправдывать мщение за обиду или за вред, нанесенный нашему народу...

Мы признаем, что народ не имеет права ни защищать себя от внешних врагов, ни нападать на них. Мы признаем также, что отдельные лица в своих личных отношениях не могут иметь этого права. Единица не может иметь большего значения, чем совокупность их. Если правительство не должно оказывать сопротивления чужестранным завоевателям, имеющим целью опустошать наше отечество и избивать наших сограждан, то точно так же не должно быть оказываемо сопротивление силою отдельным лицам, нарушающим общественное спокойствие и грозящим частной безопасности. Проповедуемое церквами положение о том, что все государства на земле установлены и одобряемы Богом и что все власти,

существующие в Соединенных Штатах, в России, в Турции, соответствуют воле Бога, столь же нелепо, как и кощунственно. Это положение представляет творца нашего существом пристрастным и устанавливающим и поощряющим зло. Никто не решится утверждать того, чтобы власти, существующие в какой бы то ни было стране, действовали по отношению к своим врагам в духе учения и по примеру Христа. А потому деятельность этих властей не может быть приятна Богу и потому и власти эти не могли быть установлены Богом и должны быть низвергнуты не силою, но духовным возрождением людей.

Мы признаем нехристианскими и незаконными не только самые войны — как наступательные, так и оборонительные, — но и все приготовления к войнам: устройство всяких арсеналов, укреплений, военных кораблей; признаем нехристианским и незаконным существование всяких постоянных армий, всякого военного начальства, всяких памятников, воздвигнутых в честь побед или павших врагов, всяких трофеев, добытых на поле сражения, всяких празднований военных подвигов, всяких присвоений, совершенных военной силой; признаем нехристианским и незаконным всякое правительственное постановление, требующее военной службы от своих подданных.

Вследствие всего этого мы считаем для себя невозможным не только службу в войсках, но и занятие должностей, обязующих нас принуждать людей поступать хорошо под страхом тюрьмы или смертной казни. Мы поэтому добровольно исключаем себя из всех правительственных учреждений и отказываемся от всякой политики, от всех земных почестей и должностей.

Не считая себя вправе занимать места в правительственных учреждениях, мы точно так же не считаем себя вправе и избирать на эти места других лиц. Мы также считаем себя не вправе судиться с людьми, чтобы заставить их возвратить взятое у нас. Мы считаем, что мы обязаны отдать и кафтан тому, кто взял нашу рубашку, но никак не подвергать его насилию (Мф. V, 40.)

Мы верим в то, что уголовный закон Ветхого Завета: око за око, зуб за зуб — отменен Иисусом Христом и что по Новому Завету всем его последователям проповедуется прощение врагам вместо мщения, во всех случаях без исключения. Вымогать же насилием деньги, запиравать в тюрьму, ссылать или казнить, очевидно, не есть прощение обид, а мщение.

История человечества наполнена доказательствами того, что физическое насилие не содействует нравственному возрождению, и что греховные склонности человека могут быть подавлены лишь любовью, что зло может быть уничтожено только добром, что не должно надеяться на силу руки, чтоб защищать себя от зла, что настоящая безопасность для людей находится в доброте, долготерпении и милосердии, что лишь кроткие наследуют землю, а поднявшие меч от меча погибнут.

И поэтому, как для того, чтобы вернее обеспечить жизнь, собственность, свободу, общественное спокойствие и частное благо людей, так и для того, чтобы исполнить волю того, кто есть царь царствующих и господь господствующих, мы от всей души принимаем основное учение непротивления злу злом, твердо веруя, что это учение, отвечая всем возможным случайностям и выражая волю Бога, в конце концов должно восторжествовать

над всеми злыми силами. Мы не проповедуем революционного учения. Дух революционного учения есть дух мести, насилия и убийства. Он не боится Бога и не уважает личности человека. Мы же желаем быть преисполнены духа Христова. Следуя основному нашему правилу непротивления злу злом, мы не можем производить заговоров, смут или насилий. Мы подчиняемся всем узаконениям и всем требованиям правительства, кроме тех, которые противны требованиям Евангелия. Сопротивление наше ограничивается покорным подчинением, имеющим быть наложенным на нас за неповиновение, наказаниям. Намереваясь без сопротивления переносить все направленные на нас нападения, мы, между тем, с своей стороны, намерены не переставая нападать на зло мира, где бы оно ни было, вверху или внизу, в области политической, административной или религиозной, стремясь всеми возможными для нас средствами к осуществлению того, чтобы царства земные слились в одно царство господа нашего Иисуса Христа. Мы считаем несомненной истиной то, что все то, что противно Евангелию и духу его и потому подлежит уничтожению, должно быть сейчас же уничтожаемо. И потому, если мы верим предсказанию о том, что наступит время, когда мечи перекуются на орала и копья на серпы, мы сейчас же, не откладывая этого на будущее время, должны делать это по мере сил наших. И потому все те, которые выделывают, продают, употребляют оружие, содействуют всяким военным приготовлениям, этим самым вооружаются против мирного господства сына Божьего на земле. Высказав наши основы, скажем теперь о том, какими путями мы надеемся достигнуть нашей цели. Мы надеемся победить "безумием проповеди".

Мы будем стараться распространять свои взгляды среди всех людей, к каким бы народам, исповеданиям и слоям общества они ни принадлежали. Для этой цели мы будем устраивать публичные чтения, распространять печатные объявления и брошюры, составлять общества и подавать прошения во всякие правительственные учреждения. Вообще будем стремиться всеми доступными для нас средствами к достижению коренного переворота во взглядах, чувствах и действиях нашего общества относительно греховности насилия по отношению к внешним и внутренним врагам. Принимаясь за это великое дело, мы вполне сознаем, что наша искренность может быть подвергнута жестоким испытаниям. Наша задача может навлечь на нас оскорбления, обиды, страдания и даже смерть. Нас ожидает непонимание, ложное толкование и клевета. Против нас должна подняться буря. Гордость и фарисейство, честолюбие и жестокость, правители и власти, — всё это может соединиться, чтоб уничтожить нас. Таким образом поступали с мессией, которому мы стремимся подражать по мере сил своих. Но нас не пугают эти ужасы. Мы надеемся не на людей, а на всемогущего господа. Если мы отказались от человеческого заступничества, что же может поддержать нас, как не одна вера, побеждающая мир? Мы не будем удивляться тем испытаниям, которым мы подвергнемся, а будем радоваться тому, что удостоимся разделить страдания Христа.

Вследствие всего этого мы передаем души свои Богу, веруя тому, что сказано, что тот, кто оставит дома и братьев и сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или поля ради Христа, получит во сто раз больше и наследует жизнь вечную.

Итак, твердо веруя, несмотря на все, что может вооружиться против нас, в несомненное торжество во всем мире основ, выраженных в этом провозглашении, мы прилагаем здесь свои подписи, надеясь на разум и совесть человечества, более же всего на силу Божию,

которой и вручаем себя.

Комментарий к "Декларации чувств"

Вильям-Ллойд Гаррисон (William-Lloyd Garrison, 1805—1879), американский общественный деятель, основал в Филадельфии общество против рабства (общество "аболиционистов"), по поручению которого написал трактат "Декларация чувств" ("Declaration of sentiments") — "Провозглашение основ, принятых членами общества, основанного для установления между людьми всеобщего мира", проповедовал учение о непротивлении злу насилием. Его сын Вендель-Филиппс Гаррисон (Wendel Garrison. 1844—1907), ознакомившись в английском переводе с книгой Толстого "В чем моя вера?" и найдя в ней мысли, сходные "с исповеданием его отца", обратился к Толстому с письмом (март 1886 г.) и прислал ему "Декларацию", составленную его отцом.

В ответном письме Толстой спрашивал Венделя Гаррисона, нет ли у него краткой биографии Вильяма Гаррисона. Сыновья Вильяма Гаррисона прислали Толстому в подарок краткую биографию их отца и два его фотографических портрета, а впоследствии и подробную биографию их отца в нескольких томах, составленную ими (Нью-Йорк, 1885—1889).

Много лет спустя, в 1903 г., Толстой вспоминал, что, читая ее, он испытал "духовную радость" (т. 36, стр. 95—99). "Декларацию" Гаррисона Толстой перевел и свой перевод неоднократно исправлял в черновых рукописях; вместе со сведениями об общественной деятельности Гаррисона он включил ее в I главу книги "Царство Божие внутри вас".

«Декларация» В-Л. Гаррисона была принята членами «Общества для установления мира между людьми» на первом съезде этого общества в Бостоне, 18 сентября 1838 г. Напечатана впервые в издававшемся Гаррисоном еженедельнике «Либереитер» («Освободитель») 28 сентября 1838 г.

Вслед за этим провозглашением были основаны Гаррисоном общество непротивления и журнал, называвшийся "Непротивляющимся" ("Non-resistant"), в котором проповедовалось учение непротивления во всем его значении и со всеми его последствиями, как оно было выражено в провозглашении. Сведения о дальнейшей судьбе общества и журнала непротивления получены мною из прекрасной биографии В. Л. Гаррисона, составленной его сыновьями.

Общество и журнал просуществовали недолго: большинство сотрудников Гаррисона по делу освобождения рабов, опасаясь того, чтобы слишком радикальные требования, выраженные в журнале "Непротивляющемся", не оттолкнули людей от практического дела освобождения негров, — большинство сотрудников отказалось от исповедания принципа непротивления, как он был выражен в провозглашении, и общество и журнал прекратили свое существование.

Это провозглашение Гаррисона, так сильно и красноречиво выражавшее такое важное для людей исповедание веры, казалось, должно бы было поразить людей и сделаться всемирно

известным и предметом всестороннего обсуждения. Но ничего подобного не было. Оно не только не известно в Европе, но среди американцев, столь высоко чтущих память Гаррисона, провозглашение это почти неизвестно.

Та же неизвестность постигла и другого борца за непротивление злу, недавно умершего, в продолжение 50 лет проповедовавшего это учение, американца Адина Баллу. До какой степени мало известно всё то, что относится к вопросу непротивления, видно из того, что Гаррисон-сын, написавший превосходную, в 4-х больших томах, биографию своего отца, этот Гаррисон-сын на вопрос мой о том, существует ли теперь общество непротивления и есть ли последователи его, отвечал мне, что, скользко ему известно, общество это распалось и последователей этого учения не существует, тогда как в то время, когда он писал мне, жил в Массачусете, в Hopedale, Адин Баллу, участвовавший в трудах отца Гаррисона и посвятивший 50 лет жизни на проповедь устно и печатно учения непротивления.

Злой умысел

1853 год.

Сегодня утром здесь прозвучала критическая оценка Декларации чувств. Из нее якобы следует, что мужчина — единственный виновник всего... и затем наша красноречивая единомышленница миссис Роуз, стоя на этой трибуне... высказала свое кредо. Она заявила, что не обвиняет никого в отдельности и не считает никого из мужчин преступниками...

Что касается меня, я не готов согласиться с подобной трактовкой. Я верю в грех и, следовательно, в грешника; в кражу и, следовательно, в вора; в рабство и, следовательно, и рабовладельца; в зло и, следовательно, в злодея; и если только женщины не заставят мужчин нашей страны понять, что они виновны в злоупотреблениях, и в грубых злоупотреблениях, я думаю, что практически никакой прогресс невозможен. Утверждать, что все получилось само собой, необдуманно, без какого бы то ни было расчета, просто случайно, по невежеству! Неужто тот, кому известны все факты, этому поверит? Конечно, я со своей стороны постараюсь не утратить снисходительность. Ведь и я тоже верю, что многое происходит по недоразумению и непониманию. И это опасно, да, это безнравственно и не по-христиански. Но все же происходящее таким образом имеет границы. Существует такая штука, как злой умысел, некий расчет тех, кто готов задуть свечу в своей душе и сотворить зло ради собственной выгоды и удовлетворения собственных интересов. Поэтому я считаю, что так как именно мужчина многие десятилетия назад присвоил себе все права, принадлежащие женщине, то это не было случайностью или проявлением мужского невежества. Напротив, я полагаю, что мужчина совершил это преднамеренно, побуждаемый гордыней, стремлением к собственному господству. Именно это и заставило его унижить женщину в ее собственных глазах и таким образом превратить ее в жалкое зависимое существо.

Мне думается, что мы имеем дело с проявлением мужской психологии. Стоит ли уверять, будто вина здесь общая, будто женщины так же глубоко, как и мужчины, втянуты в этот процесс? Просто немыслимо утверждать, что жертва и палач заслуживают порицания в

равной мере, что раб столь же достоин осуждения, сколь рабовладелец и надсмотрщик; что женщина, не имеющая никаких прав, так же виновна, как мужчина, взявший на себя роль грабителя и тирана. Речь здесь идет о совести. Мужчины нашей страны, да и вообще все мужчины, не испытывают надлежащего уважения к женщине. Они угнетали ее преднамеренно, они грешили не по неведению, но их знание — это не то знание, которое спасает. Кто решится искренне доказывать, что во всех случаях он действует в соответствии с данным ему знанием и не совершает того, что, как ему известно, не подобает случаю, не является наилучшим? Не много найдется во всем человечестве тех, кто по праву мог бы сказать это о самом себе. Разве нам не хватает света? Разве граждане Америки не осознают, сколь велика их вина в порабощении одной шестой части своего народа? Разве мужчины этой страны с момента высадки пилигримов¹ и до сих пор не поняли, что они заблуждаются, подчиняя себе половину своего народа? Уверю вас, это не случайная их ошибка. Это грех. Это вина. И они ясно доказывают эту свою вину — тем, как воспринимают, как относятся к женскому движению. Тот, кто совершил зло по неведению, не упорствует в своем заблуждении, поняв, что он на ложном пути. Неведение не есть, конечно, свидетельство вины. Это лишь свидетельство недостатка знания. Тот, кто всего лишь невежествен, никогда не станет негодовать, бесноваться, угрожать и брызгать слюной, если его озарит светом знания. Напротив, он питает интерес и стремится к просвещению, воспринимает новое и преодолевает ошибки, когда на них указывают. Разве не это подобает мужчине?

Вспомним борьбу против рабства. Чем она была встречена? Не доводами против, не попыткой понять, не свободным обсуждением и обменом мнениями. Аргументами служили тухлые яйца, битые кирпичи и клеветнические обвинения. А на юге страны — кровавый дух насилия, угрозы вырвать язык тому, кто идет наперекор. О чем это свидетельствует? О чем, как не об осознаваемой вине? Это не неведение, не пребывание во тьме. Они видели истину, но отвергли ее.

Как отнеслись в этой стране к движению за права женщин? Правые силы? Левые? Его осмеивали, над ним глумились, его оплевывали как нечто негодное и недостойное. Это не неведение. Эти люди ведают, что творят. Это естественная вспышка тирании. Это следствие смятения тиранов и узурпаторов. Им предстоит держать ответ перед правосудием, и они трепещут перед следствием и разоблачением своих взглядов и своей сущности.

Женщины Америки! Вам есть за что винить себя, есть за что нести ответственность перед Богом и людьми. Пусть так. Но и в этой стране и во всех других странах вы — жертвы тирании и нечестивого властолюбия мужчин. И мы обязаны показать, кто за это в ответе.

Комментарий к "Злому умыслу"

Уильям Ллойд Гаррисон (1805-1879) — ревностный приверженец немедленной и безусловной отмены рабства. Газета «Либереитор», которую он начал издавать в 1831 году, имела антирабовладельческую направленность и выступала в поддержку данной точки зрения, что в те времена считалось проявлением крайнего радикализма.

В 1840 году, будучи истинным и последовательным аболиционистом, У. Гаррисон отправился в Лондон на Всемирный конгресс противников рабства. Опоздав к началу заседания, он по прибытии обнаружил, что Лукреция Мотт и другие женщины-делегатки из Соединенных Штатов не были допущены в зал. Гаррисон отказался занять свое место и включиться в работу, заявив: «После долголетней борьбы за свободу африканских рабов я не могу принимать участие в Конгрессе, который попирает священные права женщин».

Как и Фредерик Дуглас, У. Гаррисон стал яростным сторонником женского движения. Вместе с другими аболиционистами, такими, как Томас Уэнтворт Хиггинсон, Уэнделл Филлипс, Теодор Паркер и Паркер Пиллсбери, он поднял свой голос в защиту прав женщин. Таким образом, движение против рабства обеспечило мужской поддержкой еще не оперившееся феминистское движение, а также послужило испытательным полем для подготовки женщин-лидеров.

Собрания в защиту прав женщин проводились как открытые форумы, где присутствующие могли свободно участвовать в дискуссиях и прениях по спорным вопросам. На собрании в Кливленде в 1853 году один из присутствовавших мужчин подверг критике Декларацию чувств, принятую в г. Сенека-Фоллз, поскольку, с его точки зрения, в этом документе мужчин незаслуженно обвиняли в бесправном положении женщин. В том, что общественное мнение по преимуществу низко оценивает их пол, виноваты сами женщины, сказал он. Тогда поднялась Эрнестина Роуз и заявила, что считает виновными и тех и других.

Гаррисон, судя по всему, не мог потерпеть такого подхода. Он взял слово и, с похвалой отозвавшись о Декларации чувств за ее «твердость и силу», произнес экспромтом следующую речь.

Лев Толстой. Предисловие к английской биографии Гаррисона

Очень благодарю вас за присылку мне биографии Гаррисона.

Читая ее, я вновь пережил свою весну пробуждения к истинной жизни. Читая речи и статьи Гаррисона, я живо вспомнил ту духовную радость, которую испытал 20 лет тому назад, узнав о том, что тот закон непротivления, к которому я был неизбежно приведен признанием христианства во всем его значении и который открыл мне великий, радостный идеал осуществления христианской жизни, был еще в сороковых годах не только признан и провозглашен Гаррисоном (о Баллу я узнал после), но и поставлен им в основу его практической деятельности освобождения рабов.

Радость эта тогда была соединена с недоумением о том, каким образом эта великая евангельская истина, 50 лет тому назад разъясненная Гаррисоном, могла быть так замолчана, что мне пришлось, как что-то новое, высказывать ее.

Недоумение мое усиливалось в особенности тем, что не только люди враждебные движению вперед человечества, но и самые передовые, прогрессивные люди были или совершенно равнодушны или даже враждебны к проповеди закона, лежащего в основе всякого истинного прогресса.

Но чем больше проходило времени, тем мне яснее и яснее казалось, что то общее равнодушие и враждебность, которые выразились тогда и продолжают выражаться и теперь, преимущественно в среде политических деятелей, к закону непротivления, есть только признак великого значения этого закона.

«Девизом нашим, — писал Гаррисон в середине своей деятельности, — с самого начала нашей нравственной борьбы было: Отечество наше — это мир, соотечественники наши — всё человечество. Мы верим, что это будет девизом, начертанным и на нашей могиле. Другим своим девизом мы избрали: Всеобщее освобождение. До сих пор приложение нашего девиза мы ограничивали лишь теми людьми, которые собраны в этой стране южными рабовладельцами, как рыночная ценность, как товар, скот, хозяйственный инвентарь. С этих же пор мы будем пользоваться нашим девизом в самом широком смысле: освобождение всей нашей расы от господства человека, от порабощения себя, от власти грубой силы, от порабощения грехом и подчинение людей только власти Бога, контролю их собственной совести и управлению законом любви».

Гаррисон, как человек просвещенный светом христианства, начав с практической цели — борьбы с рабством, — очень скоро понял, что причина рабства не случайное, временное завладение южанами несколькими миллионами негров, но давнишнее и всеобщее, противное христианскому учению признание права насилия одних людей над другими. Поводом к признанию этого права всегда было то зло, которое люди считали возможным искоренить или уменьшить грубой силой, т. е. злом же. И, поняв это, Гаррисон выставил против рабства не страдания рабов, не жестокость владельцев, не гражданскую равноправность людей, а вечный христианский закон непротivления злу насилем: non-resistance¹. Гаррисон понимал то, чего не понимали самые передовые борцы против рабства: что единственным неопровержимым доводом против рабства было отрицание права одного человека на свободу другого, при каких бы то ни было условиях.

Аболиционисты старались доказать, что рабство незаконно, невыгодно, жестоко, развращает людей и т. п.; но сторонники рабства в свою очередь доказывали несвоевременность, опасность и вредные последствия, могущие произойти от освобождения. И ни те, ни другие не могли убедить друг друга. Гаррисон же, понимая, что рабство негров было только частным случаем всеобщего насилия, выставил общий принцип, с которым нельзя было не согласиться, — тот, что ни один человек ни под каким предлогом не имеет права властвовать, т. е. употреблять насилие над себе подобными. Гаррисон не столько настаивал на праве рабов быть свободными, сколько отрицал право какого бы то ни было человека или собрания людей принуждать к чему-нибудь силою другого человека. Для борьбы с рабством он выставил принцип борьбы со всем злом мира.

Выставленный Гаррисоном принцип этот был неопровержим, но он затрогивал, разрушал даже все основы установившегося порядка, и потому люди, дорожающие своим положением

при существующем порядке, испугались провозглашения, тем более приложения к жизни этого принципа, старались замолчать, обойти его, надеялись достигнуть своей цели без провозглашения и приложения к жизни принципа непротivления злу насилием, разрушающего, как им казалось, всякое благоустройство человеческой жизни. И последствием этого уклонения от признания незаконности насилия была та братоубийственная война, которая, решив вопрос внешним образом, внесла новое, едва ли не большее зло развращением, сопутствующим всякой войне, в жизнь американского народа.

Сущность же вопроса осталась неразрешенной, и тот же вопрос, только в новой форме, стоит теперь перед народом Соединенных Штатов. Тогда вопрос был в том, как освободить негров от насилия рабовладельцев; теперь вопрос в том, как освободить негров от насилия всех белых и белых от насилия всех черных.

И разрешение этого вопроса в новой форме совершится, конечно, не линчеванием негров и не какими-либо искусными и либеральными мерами американских политиков, а только приложением к жизни того же принципа, который полвека тому назад был провозглашен Гаррисоном.

На-днях в одном из самых передовых журналов я прочел с полной уверенностью в своей справедливости выраженное мнение образованного и умного писателя о том, что признание мною принципа непротivления злу насилием есть печальное иотчасти комическое заблуждение, которое, принимая во внимание мою старость и некоторые заслуги, можно обходить только снисходительным молчанием.

Точно такое же отношение к этому вопросу я встретил и вмоей беседе с замечательно умным и передовым американцем Брайяном. Он, точно так же с очевидным намерением мягко и учтиво показать мне мое заблуждение, спросил у меня о том, как я объясняю свое странное положение о непротivлении злу насилием, и, как всегда, привел всем кажущийся неотразимым довод о разбойнике, убивающем или насилующем ребенка. Я сказал ему, что я признаю непротivление злу насилием потому, что, прожив 75 лет, я ни разу, кроме как в рассуждениях, не встретил того фантастического разбойника, который на моих глазах желал убить или изнаsilовать ребенка, но не переставая видел и вижу не одного, а миллионы разбойников, насилующих и детей, и женщин, и взрослых, и стариков, и старух, и всех рабочих людей во имя допущенного права насилия над себе подобными. Когда я сказал это, мой милый собеседник со свойственной ему быстротой понимания, не дав мне договорить, засмеялся и признал мой аргумент удовлетворительным.

Фантастического разбойника никто не видел, а стонущий от насилия мир — перед глазами всех. А между тем никто не видит, не хочет видеть того, что борьба, которая может освободить человечество от насилия, не есть борьба с фантастическим разбойником, а с теми реальными разбойниками, которые насилуют людей.

Непротivление злу насилием ведь означает только то, что средство взаимодействия разумных существ друг на друга должно состоять не в насилии, которое можно допустить только по отношению низших организмов, лишенных рассудка, а в разумном убеждении; и

что к этой замене насилия разумным убеждением и должны стремиться все люди, желающие служить благу человечества.

Казалось бы, совершенно ясно, что убито в прошлом столетии 14 миллионов людей и теперь тратятся труды и жизни, миллионов людей на никому ненужные войны, и что вся земля находится в руках неработающих на ней, и что все произведения труда людей поглощаются теми, которые не работают, что все обманы, царствующие в мире, существуют только потому, что допущено насилие ради подавления того, что известным людям представляется злом, и что поэтому надо стараться заменить насилие убеждением. А для того чтобы это возможно было, надо прежде всего отказаться от права насилия.

Но, удивительная вещь, самые передовые люди нашего круга считают, что опасно отрицать право насилия и стараться заменить его убеждением. Эти люди, решив, что невозможно убедить разбойника не убивать ребенка, не считают возможным убедить и рабочих не отнимать землю и плоды своих трудов у тех, кто не работает, и потому считают нужным силою принуждать их к этому.

И потому, как ни грустно это сказать, единственное объяснение непонимания значения принципа непротivления злу насилием состоит в том, что условия жизни людской до такой степени извращены, что те, кто судят о принципе непротivления, полагают, что приложение его к жизни и замена насилия убеждением уничтожит всякую возможность благоустройства общества и тех удобств жизни, которыми они пользуются.

Но принцип непротivления не есть принцип насилия, а согласия и любви и потому не может быть сделан насильственно обязательным для людей. Принцип непротivления злу насилием, состоящий в замене грубой силы убеждением, может быть только свободно принят. И в той мере, в которой он свободно принимается людьми и прилагается к жизни, т. е. в той мере, в которой люди отрекаются от насилия и устанавливают свои отношения на разумном убеждении, только в той мере и совершается истинный прогресс в жизни человечества.

И потому, хотят или не хотят этого люди, только во имя этого принципа могут освободиться они от порабощения и угнетения друг друга. Хотят или не хотят они этого, принцип этот лежит в основе всех совершавшихся и имеющих совершиться истинных усовершенствований в жизни людей.

Гаррисон первый провозгласил этот принцип, как правило для устройства жизни людей. В этом его великая заслуга. Если он тогда и не достиг мирного освобождения рабов в Америке, он указал на путь освобождения всех людей вообще от власти грубой силы.

И потому Гаррисон навсегда останется одним из величайших деятелей и двигателей истинного человеческого прогресса.

Думаю, что издание этой краткой биографии будет полезно многим.

Версия #2

Зверобой создал 25 декабря 2025 23:49:08

Зверобой обновил 26 декабря 2025 00:03:28